

An oil painting of a person standing on a rocky cliff overlooking the ocean under a cloudy sky. The person is seen from behind, wearing a light-colored shirt and dark shorts. The cliff is rugged with various shades of brown, grey, and yellow. The ocean is a deep blue-grey, and the sky is a mix of white and grey clouds with some brownish stains. The overall style is expressive and painterly.

Василий Лягоскин

Ландыши
растут
не только
на Земле

Свет далекой звезды:
история четвертая

Василий Лягошкин

**Ландыши растут не только
на Земле. Свет далекой
звезды: история четвертая**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Ландыши растут не только на Земле. Свет далекой звезды: история четвертая / В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749477-3

Эта история — четвертая, последняя из повестей о Свете, могучем охотнике и герое, который был рожден для великих сражений. Теперь его ждет Свалка Миров — планета, чье существование оказывается под вопросом по прихоти страшного Двухголового монстра. Свету нужно именно в этот мир — ведь туда занесло Весну и сына охотника. А еще Волка, огромного верного пса, которого Свет обещал найти — во что бы то ни стало.

ISBN 978-5-44-749477-3

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Труба зовет	6
Глава 2. Пограничная стража великого герцога	11
Глава 3. Великий поход	20
Глава 4. Битва за континент	26
Глава 5. Старый долг	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Ландыши растут не только на Земле
Свет далекой звезды: история четвертая
Василий Лягошкин**

© Василий Лягошкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Труба зовет

Капитан Авархан стоял на коленях; нет – он практически распластался перед троном владыки так, что его лоб утонул в жестком ворсе ковра. Пауза, которую взял Гумирхан, тянулась и тянулась, так что капитан, до того – так же стоя на коленях – почти два часа рассказывавший о своем беспримерном походе по странам Гудваны, даже провалился в забытие. Он не спал – он снова проживал этот поход; беспримерный, но увы – безрезультатный.

Ни «Белого орла», ни – что самое ужасное – голубоглазого обидчика мурганского владыки вернуть не удалось. А все началось с побега этого мерзавца, которого люди вполне заслуженно называли Шакалом...

Авархан сидел на низенькой лошадке и с удивлением вглядывался в старинный щит, что украшал ворота, никак не подходящие мощным стенам, проем в которых они закрывали. Сколоченные из нетесаных толстых досок, разошедшихся так, что местами в щели можно было увидеть городскую улицу, даже не сходя со скакуна, они резко диссонировали с неприступной мощью стен города-крепости. Видимо, в одну из щелей и его, и четырех спутников капитана разглядели стражники. Ворота заскрипели, и Авархан невольно оглянулся – все ли в порядке; похож ли его малый отряд на купеческий караван?

Внешне все соответствовало легенде. Караван действительно был купеческим – до вчерашнего дня, когда, на свою беду, его путь не пресекся с отрядом мурганских воинов. Боя не получилось – четверо охранников повалились со своих лошадей сразу же, пронзенные каждый несколькими арбалетными болтами. Сам купец, чье имя и одежды сейчас носил капитан, прожил чуть подольше. Он успел рассказать о себе, о товаре, который был так дорог, что всего несколько тюков на лошадях должны были окупить все затраты этого безумно затянувшегося торгового перехода. Купец вез благовония; груз, который вдесятеро превышал по стоимости золото равного веса. И прибыл он тоже из Караханы, но намного раньше флотилии Авархана.

Беспримерно длинная зима и ветер, который дул из глубин континента, не позволили маленькому каравану отправиться в срединные государства Гудваны. Да и товар его в эти черные годы никому не был нужен.

– А сейчас, – спросил его капитан, поигрывая в руках ножиком, – кому он нужен сейчас?

– Не скажи, – купец испуганно косился на нож, – как только смерть и голод отступят, женщина первым делом посмотрится в зеркало. Ей опять захочется быть красивой и желанной. А куда посмотрит мужчина?

– Куда?

– На женщину! – попытался улыбнуться купец, – а его руки будут сами развязывать кошель.

– Если только в кошельках еще осталось золото, – пробормотал Авархан, что-то прикидывая.

Купец теперь искренне удивился:

– А куда оно делось? Не съели же его. Конечно – большая часть поменяла хозяев. Вот новые хозяева и раскошелятся.

Авархан между тем, как оказалось, прикидывал – куда лучше сунуть ножик купцу – меж ребер, или полоснуть по горлу. Оба варианта не позволяли оставить в целостности и чистоте скромный костюм купца. В результате нож вернулся в ножны, так и не испив крови. А купца, тонко и тоскливо заверещавшего, утащили в кусты, где он присоединился к своим охранникам – со свернутой шеей...

Стражник у ворот впустил их в город с хмурой улыбкой. О входной пошлине он даже не заикнулся, но несколько мелких монет с удовольствием принял. В ответ он порекомендовал заморскому купцу недорогой постоялый двор, где и купца с охраной накормят и напоят,

и за лошадьми присмотрят так, что не страшно будет пускаться в дальнейший путь. Как стражник определил, что Авархан не собирается надолго оставаться в Зеленграде, капитан не понял. Видно, не очень-то получилась у него роль купца средней руки. Но совету стражника капитан все таки последовал.

В воротах постоялого двора караван встретили сразу несколько человек – и мальчишки, тут же подхватившие усталых лошадей под узду; и пара работников покрепче, которые подхватили тюки с товаром. И сам хозяин – невысокий, но невероятно толстый славин. Да и работники не казались истощенными. Мурганец даже удивился:

– Ведь всего год прошел тех пор, как по этим землям прокатилась лютая стужа и голодный мор.

Но расспрашивать хозяина сразу капитан не стал. Он степенно, как и полагалось купцу, поднялся по крутой лестнице на второй этаж, где располагались спальные комнаты. Проверил – надежно ли охраняется товар и распорядился насчет еды для своих воинов, которым даже не пришлось переодеваться – одежда настоящих охранников мало чем отличалась от их собственной. Потом Авархан ненадолго задержался в комнате, отведенной для него. Здесь пожилая хмурая служанка помогла смыть со спины и плеч первую грязь. Вообще-то хозяин обещал к вечеру истопить купальню, но не выходить же к трапезе в грязной рубахе, пахнущим собственным и конским потом.

Авархан на эту трапезу возлагал большие надежды. И не ошибся – приглашенный к столу толстяк, назвавшийся Демиром, знал, казалось, все и обо всех в Зеленграде. По мере того, как на столе росли блюда и миски с яствами, и все сильнее пустел кувшин с густым красным вином, в речах славина звучало все больше славословий в адрес нового князя.

– Широ, – прозвучало за столом почти сразу, и Авархан невольно напрягся.

Это имя он слышал в портовом городе Баргасе; человек, которого называли так, был в свите обидчика Гумирхана. А Демир не переставал благословлять небо, пославшего им наконец справедливого правителя – после погрязшего в страхе за собственную жизнь князя Ольгина и Ракита, которого никто не называл иначе, как Гадюка.

– Да, – хлопнул себя по потной лысине захмелевший Демир, – это надо было видеть. Я был в тот день в первых рядах на площади...

– Кто бы сомневался, – подумал Авархан, пропуская мимо словесный поток толстяка.

Он как раз сделал большой глоток их кружки с вином, и отчаянно закашлялся, когда этот глоток пошел совсем не туда, куда полагал капитан. А все из-за следующей фразы хозяина постоялого двора:

– Своими глазами видел, как тот парень одним ударом располовинил Шакала. Шакал так и упал – двумя половинками.

Авархан с налившимся от натуги лицом – он все-таки протолкнул глоток, куда следовало, в собственный желудок, просипел:

– Шакала?! Какие шакалы в городе?

А Демир только ждал этого вопроса. Он долго, многословно рассказывал и о банде, что когда-то терроризировала город, и о том, как главарь этой банды непонятным образом оказался правителем Зеленграда, и о несостоявшейся казни законного князя, собственными руками возложившего корону предков на голову Широ. Демир опять начал хвалить – как понял капитан – вполне искренне, молодого князя. Но теперь Авархан перебил его. О том, что государство за один единственный год неузнаваемо изменилось, он уже слышал; его больше интересовал незнакомец, так ловко управлявшийся с мечом. Капитан уже догадался, кто этот герой, которого горожане узнали как Светослава, князя Русина – еще одного родича прежнего властителя славинского государства.

– Гадюки?! – поразился Авархан, благоразумно отставившего пока кружку.

– Какого Гадюки? – не меньше его удивился хозяин..., – а... нет – Гадюку тогда тоже прикончили – повесили на той же веревке, что оборвалась под весом князя Ольгина. А Свет – так он сам себя называет – в родстве с настоящим князем. Говорят (толстяк понизил голос так, что и Авархан его с трудом услышал) он и есть истинный князь славин. Вот только он ушел...

– Куда? – вскричал Авархан, и пара его охранников, ужинавших за столиком в углу почти пустого зала, вскочила на ноги.

– Кто его знает? – в изумлении воззрился на недавно столь бесстрастного купца, – князья нам о свих планах не докладывают.

Служанка как раз принесла запеченного целиком каплуна. От большого блюда к потолку, а главное к Авархану и хозяину трактира шибануло таким мощным запахом специй и прожаренного до хрустящей корочки мяса, что они на время забыли и о князьях, и о Гадюке с Шакалом, и о... На удивление быстро от каплуна остались только косточки, и насытившиеся тела и души переместились в купальню – не только чтобы смыть с себя грехи дальней дороги и тревогодия, но и продолжить разговор. Авархан к такой вольной трактовке сугубо интимного действия не привык, но вида не подал. В конце концов – дома, в Янгикургане – мылся же он сразу с несколькими юными невольницами. Демир на тех красавиц никак не походил, но и использовать его Авархан собирался совсем в других целях. Сравнив своих наложниц с пожилым славин, который как раз разоблачился до гола, он внутренне содрогнулся, но с лица любезной улыбки не согнал. Ему еще много нужно было узнать у Демира. И главное – с его помощью решить, куда двигаться дальше. Мысль о том, что сам Авархан фигурой не слишком сильно отличается от хозяина постоянного двора, в голову мурганца почему-то не пришла.

Нежась в теплой воде в соседних чанах, два на удивление похожих человека поначалу договорились об общем деле, в результате чего половина тюков с товаром должна была остаться в Зеленграде. Услышав о сумме предоплаты, капитан едва не выплеснулся вместе с водой из чана – выручка позволяла ему не возвращаться в родные края, жить безбедно и беззаботно здесь, или в каком-то из соседних государств. Однако он вспомнил вдруг о Гумирхане, о взгляде владыки, не обещавшем ничего хорошего голубоглазому обидчику, и покрылся мурашками в теплой воде. Потому что знал – предай он сейчас своего повелителя, оглядываться в ожидании тайных убийц пришлось бы до конца жизни.

– В конце концов, – подумал он, – золото и в Янгикургане пригодится.

А Демир вещал теперь о тех самых государствах, о которых мелькнула, и пропала мысль мурганца. Авархан впитывал в себя незнакомые, и от того такие притягательные слова – Шахрихан, Рагистан, франские бароны... Название первого города чем-то зацепило его, и он стал выпрашивать о нем подробнее. Славин тоже знал не очень многое – торговые караваны только недавно стали прибывать в Зеленград – не до всех купцов дошла весть о том, что дороги славинского государства и сама его столица стали безопасными. Рассказ, которым потчевал заинтересовавшегося собеседника Демир, больше походил на сказку, какие в детстве рассказывала пожилая служанка, ходившая за Аварханом. Нынешняя сказка, которая вполне могла оказаться былью, была намного интересней и страшнее. Страшнее прежде всего для мурганца, который понял, что поручения своего повелителя он никогда не выполнит...

В Шахрихан капитан ехал, поначалу не погоняя коня, как раньше. Каждый шаг скакуна приближал его к месту, откуда надо будет поворачивать назад, домой.

– И ведь не потянешь время, – процедил сквозь зубы Авархан, вырвавшийся чуть вперед от остальных всадников, – в отряде наверняка есть глаза и уши Гумирхана.

Потому он зло крикнул назад, подгоняя такой невеликий, в масштабах целого континента, отряд.

Столица Рагистана встретила мнимого купца и его четверых охранников тишиной и безлюдьем. Лишь в воротах сучали, опираясь на длинные копыя, стражники. Монеты они принимали так же охотно, как зеленградские, но ответили на вопрос Авархана скуп и непонятно.

– Где весь город, где жители? – словно нехотя поинтересовался капитан.

– На футболе, – буркнул стражник с физиономией человека, обиженного на весь свет.

Потом его тон смягчился; он шустро убрал монеты в кошель и показал куда-то на окраину города, откуда ветер как раз принес шквал человеческих эмоций.

– Все там, – махнул он, и добавил опять непонятное, – если поторопитесь, успеете на второй тайм.

Ристалище до сих пор называли так; и страсти теперь на арене кипели ничуть не меньше, чем прежде. Только вот зрители теперь делились на две неравные половины. Большая часть из них окружала трибуну наместника шахиншаха. В решетке, которая когда-то сплошь покрывало излюбленное место Журивой, так и зиял проем, созданный мечом Света. Би Рослан запретил заделывать его; он не боялся своего народа. Большая часть гладиаторов, прежде выходивших на арену в ожидании неминуемой смерти, так и остались в Шахрихане. Им просто некуда было идти, хотя свободу им предоставили в тот же день, когда в лапах огромного медведя нашел свой конец шахиншах Журивой.

Эти бойцы составили отборный отряд стражи, который подчинялся только наместнику. А еще – самые быстрые и ловкие составили футбольную команду, которую сам Би Рослан навал красивым, но совершенно непонятным именем «Спартак». Горожане, «болевшие» за эту команду, и заполнили трибуны вокруг ложи наместника. У второй команды было не менее интригующее название: «Динамо», – и его тоже дал Би Рослан. На осторожные вопросы придворных, тоже приохотившихся к новому зрелищу, наместник шахиншаха только посмеивался. Эта команда представляла ремесленные слободки Шахрихана. Естественно, сами ремесленники сейчас и переживали за нее.

Авархан сам не заметил, как его захватили страсти, бушующие на арене, а больше того – на трибунах. К тому времени, как он окончательно разобрался в хитросплетении правил этой игры, его сердце покорила та бесшабашность, с которой рвались к чужим воротам игроки «Спартак». Увы – никто не объяснил ему, что он сейчас сидит на трибуне, где люди не менее отчаянно болели за «Динамо».

Капитан вскочил на ноги, и завопил что-то неразборчивое, но восторженное, когда один из спартаковцев забил победный гол – за несколько мгновений до окончания игры. Когда Авархан понял, что ликует душой и телом посреди мрачного молчания болельщиков проигравшей команды, скрывать свои симпатии было поздно. На него навалились молча и страшно. Рядом не было никого из своих, и толстенький мурганец, в последний раз дравшийся вот так, на кулачках, в далеком детстве, тонко заверещал.

Удивительно, но этот крик слышали в ложе наместника. Капитан не видел, как Би Рослан протянул в сторону его трибуны руку, как почтительно склонился рядом распорядитель арены, и как потекли в его сторону ручейки стражников. Еще несколько мгновений, и Авархан стал бы первой жертвой ристалища за последний год. Но крепкие руки стражников быстро расчистили круг вокруг поверженного наземь мурганца. А потом подхватили его и потащили – куда?

Сам мурганец поначалу думал, что в темницу, но перед ним вдруг выросли стены дворца; потом потянулась анфилада бесчисленных комнат, заставленных драгоценной утварью. Авархан к тому времени уже успокоился. Сейчас его глаза сверкали не страхом, а алчностью – он уже видел это золото, драгоценности, пушистые ковры и другие шедевры мастеровитых рагистанцев в Янгикургане, в своем доме. Потом он вспомнил своего владыку; его мечты испарились, а вскоре он предстал перед местным повелителем. Точнее – перед его наместником; он уже знал о удивительном стечении обстоятельств, которые сопровождали последнюю смену власти в этом государстве.

Авархан осмотрел себя – побои на ристалище оставили следы и на одежде, и – скорее всего – на лице. Правый глаз начинал заплывать от громадного синяка; обе скулы саднило

и заметно шатались два зуба. Наместник правильно понял задумчивое выражение на побитом лице Авархана. Он приветливо улыбнулся и показал на сидение рядом.

– Садись, чужеземец, – пригласил он на дуганском языке.

А на каком еще он мог говорить, если перед ним сейчас стоял торговец. Точнее, это был мурганский лазутчик в обличье торгового гостя, но кто бы об этом сказал наместнику?

– Вижу, тебе понравилась наша новая забава, – улыбнулся Би Рослан, – ты и поболеть успел? За кого, если не секрет?

– За «Спартак», – буркнул капитан.

– Ага, – улыбнулся еще шире наместник, – на динамовской трибуне. Очень смело, и... очень неразумно. Надеюсь, ужин со мной компенсирует гостю города тот урон, что нанесли ему жители Шахрихана в пылу спортивных страстей.

Сказано было с каким-то значимым нажимом, и Авархан, только что намеревавшийся предъявить вполне законные претензии, и тем самым хорошо пополнить кошель, вдруг с каким-то щенячьим восторгом согласился:

– Конечно, мой господин! Что может быть лучше, чем ужин со светочем знаний, которым без всяких сомнений является властитель Рагистана...

– Я не властитель, – сурово перебил его Би Рослан, и Авархан сжался, словно ребенок, которого родители застали за постыдным занятием, – я лишь наместник того, кто должен вернуться, чтобы по праву править Рагистаном...

А потом был ужин – великолепный и обильный. Сам наместник почти ничего не ел, но всем видом показывал, что гостей, особенно торговых, в Рагистане любят и привечают. А вот вино пожилой историк, волею судьбы примеривший рагистанскую корону, очень даже уважал. Так что Авархану не пришлось прикладывать много усилий, чтобы направить разговор за богатым столом в нужном направлении.

Он с изумлением узнал, что на голове историка кроме старинной короны шахиншахов находится еще и искореженная, но вполне еще действующая регалия из его родной страны. Он с ужасом представил себе, что опьяневший Би Рослан задаст сейчас простой вопрос: «А что тебе нужно в нашей стране, чужестранец?», – и он не посмеет соврать, расскажет обо всем с самого начала – с того дня, точнее ночи, когда дерзкий голубоглазый герой угнал любимую яхту Гумирхана, и как мурганский владыка отправил следом его, Авархана.

Но время шло, опьяневший уже совсем хорошо Би Рослан больше говорил, чем спрашивал, и капитан осмелел. Он даже представил себе, как срывает с головы этого так не подходящего для царствования человека короны, и начинает повелевать, но... Он очень вовремя заметил, как шевельнулась занавесь в углу; представил себе стражника с арбалетом, или мечом в руке, и отказался от этой идеи.

– В конце концов, – оправдал он себя, – мое дело донести до владыки все, что я узнал. А что с этим делать, пусть решает он...

Гумирхан и решал сейчас; в том числе и судьбу капитана. С одной стороны, Авархан не выполнил порученного. Обычно этого владыке хватало, чтобы махнуть рукой Пахлавану, живой горе мускулов за спиной. Тогда из залы вынесли бы труп. Но сейчас с каждым словом посланника перед внутренним взором Гумирхана вставали картины выигранных битв, поверженных государей, и слава. Слава, сравнимая с величием предка, Батурхана. А еще – золото, много золота.

– Хорошо, – вздохнул наконец Гумирхан, и фигура, замершая перед ним на ковре, сжалась еще сильнее, – ты сделал все, что мог, Авархан. В походе будешь моей правой рукой.

– В походе? – поднял голову капитан, понявший, что сегодня ему смерть не грозит.

– Да, – кивнул почти приветливо владыка, – в походе, который я возглавлю сам. В походе, где мне покорятся и рагистанцы, и князь Зеленграда, и... кто еще там?

– Еще франские бароны во главе со своим герцогом, владыка.

Глава 2. Пограничная стража великого герцога

Рамир, Великий герцог франов, по достоинству оценил совет охотника. Седой разбойник, так и не пожелавший сменить своего прозвища, оказался незаменимым помощником. Конечно, сравнивать его с баронами, которых у Великого герцога осталось так мало, было глупо, но в отношении границ франских земель Рамир теперь был спокоен. Седой разбойник собрал уже настоящий отряд; однако караульную службу его воины несли весьма своеобразно.

Седой предпочитал скрытность и стремительность. Малыми силами он обходился там, где прежде франские бароны держали целую пограничную стражу. Увы – теперь земли герцогства были пустыни...

Внимательные глаза наблюдали за пятеркой путников, что расположилась на ночлег уже в пределах герцогства. Жаркий костер, поначалу освещавший поляну, и самих путников, постепенно потерял силу, и теперь трещал сучьями, заполняя окрестности приятным теплом и запахами готовящегося ужина. Путники были вооружены; они вскочили – быстро и почти бесшумно – навстречу человеку, неожиданно возникшему у костра. Средних лет, безоружный, он, казалось, не представлял никакой опасности. Но старший пятерки мурганских воинов – а в лесу сейчас устраивалась на ночлег одна из разведывательных групп, что разослал по окрестностям капитан Авархан – почему-то почувствовал смутное беспокойство. Уж больно беспечный вид был у этого аборигена с гривой пышных волос, которую посередине разделяла широкая седая полоса.

Сам Рыдван – так звали старшего – так безбоязненно подойти к вооруженным незнакомцам, да еще в темном лесу, не решился бы.

– Значит, – подумал он, – или за ним сила, или... у него не все в порядке с головой.

– Мир вам, – с улыбкой поднял сразу обе ладони седой незнакомец, – не пустите ли обогреться у вашего огня уставшему путнику?

– Садись, – кивнул ему старший, посылая остальным скрытный сигнал.

Сигнал этот означал захват незнакомца по первому же приказу. И воины – а пятерка служила вместе давно, была слитной боевой единицей – рассредоточились, словно случайно. Один исчез в темноте за очередной охапкой дров, незаметно прокравшись по окрестностям – не таится ли в кустах еще кто; второй направился, что-то пробурчав, к стреноженным лошадям, на самом деле снарядив там арбалет. Двое совсем незаметно – так им казалось – оказались за спиной седого незнакомца, пока не назвавшего свое имя.

Седой сел у костра, с удовольствием протянув к нему озябшие руки.

– Ну, начинайте уже, что ли, – проворчал он неожиданно, и командир машинально дал отмашку.

И остался один из пятерки – в живых. Так он посчитал сам, когда тишину ночи пронзил свист стрел. Арбалетчик упал молча, без хрипов – с пронзенным широким наконечником стрелы горлом. Те двое, что готовы были упасть на спину седого, действительно упали – придавленные к холодной земле телами других незнакомцев. А из темноты еще один – низенький, но невероятно широкий – тащил уже связанного мурганского разведчика. Пятого, и самого шустрого, между прочим.

Седой неодобрительно покачал головой, поворачиваясь еще к одному из своих воинов, который вышел в круг света, отбрасываемый костром, с луком в руках. Тот недовольство командира понял, но сразу же отверг.

– Он уже готов был пустить в твою спину болт, Седой. И не говори, что у тебя на спине есть глаза.

Седой засмеялся. Если он и был опечален жертвой – как оказалось, единственной – то очень недолго.

– Нет, – махнул он рукой, приглашая к костру и подчиненных, и Рыдвана, в немалому удивлению того, – глаз на спине у меня нет. Зато было зеркало – лицо вот этого парня. Он так смешно корчил рожу, показывая, что меня надо брать живым, что я не понимаю – как ты этого не заметил?

Лучник смутился – тоже совсем ненадолго. Его, казалось, больше занимал окорок, что начинал уже подгорать над костром. Он ловко подхватил аппетитную ляжку, бросил его на приготовленное тем самым арбалетчиком блюдо, и возразил командиру – почтительно, но совсем не раболепно:

– Так я же не за его лицом глядел, – рука лучника едва не достала до лица Рыдвана и тот отшатнулся, – а за самым опасным лазутчиком. А самым опасным здесь был арбалетчик.

– Мы не лазутчики, – вскинулся Рыдван, сам понимая, насколько запоздал его мирный порыв.

– А кто? – задал естественный вопрос Седой.

Мурганец смешался. Он, конечно, имел неплохую легенду, отрепетированную еще с капитаном, но сейчас она была совершенно бесполезна.

А Седой вдруг отстал от мурганца, даже махнул рукой:

– Впрочем, об этом не сейчас. Завтра доставим тебя к герцогу – там и ответишь. И на этот вопрос, и на много других. В застенках герцога языки развязываются быстрее, – Седой зловеще засмеялся, – знаю, испытал на собственной шкуре.

Он опять засмеялся, и его товарищи дружно поддержали смех. И опять – подметил Рыдван – смех этих людей, подручных Седого, был искренним, без малейшей нотки подхалимства.

Окорок не успел сильно подгореть; его хватило и Седому с командой, и четверке мурганцев, которым после ужина даже не стали связывать руки. Однако Рыдван, почти всю ночь проворочавшийся с мыслями о герцогских застенках, даже не помышлял о побеге. Он понимал, что и за ним, и за его бывшими воинами следит не одна пара глаз.

А утром Седой сам отвел мурганцев – теперь уже пеших – в замок герцога. И Рыдван не стал строить из себя героя; рассказал все о чем знал, и о чем догадывался. Великий герцог сидел в простом кресле, в большой комнате, убранной совсем без пышности. Посреди допроса (а допрашивали одного Рыдвана) он внезапно перешел на мурганский язык. Говорил на нем владыка франов чисто и быстро – словно родился в Янгикургане. Рыдван стал еще откровенней. Он вроде бы ничего особенного не рассказывал – только о их долгой погоне за обидчиком мурганского владыки, но герцог Рамир мрачнел с каждым его словом.

К концу допроса Рыдван уже не был уверен, что останется живым до вечера – таким темным стало лицо герцога. Но Рамир, к его удивлению, оказался весьма милостивым государем.

– Отпустить вас не могу, – сказал он командиру мурганцев; – взять в свою стражу тоже, сам понимаешь.

Рыдван торопливо кивнул.

– Поэтому..., – протянул герцог, и мурганец почувствовал, как в горле появился тугой комок – словно в предчувствии веревки палача или острого лезвия ножа.

– Отдай их мне, Великий герцог, – Рамир перевел взгляд за спину мурганца – туда, где стоял Седой и его квадратный подручный, – я из них мурганскую дурь выбую. Будут служить франам верой и правдой.

Забирай, – помедлив ответил герцог, – только воспитывать будешь позже. Собирайся со мной.

Герцог не стал продолжать; может потому, что рядом наострил уши воспрянувший духом Рыдван. Впрочем, он тут же упал на колени, и еще дальше – навзничь – когда в спину его ткнулся крепкий кулак:

– Благодарю Великого герцога, мурганец! Благодарю, как родного отца – герцог тоже только что подарил тебе жизнь...

– Садись, – герцог кивнул на стул, приставленный к накрытому уже столу.

Седой сел не чинясь; привык уже к тому, как просто относится Великий герцог к своим людям. А себя Седой уже давно числил человеком Рамира.

– Ешь, – махнул правой рукой на стол герцог, – ешь и думай, что мы со всем этим делать будем.

– Ну, судя по тому, что мы куда-то собрались..., – Седой потянулся за ножкой жареного каплуна.

– В Рагистан собрались, к Би Рослану, – внезапно нахмурился герцог, – и не говори, что ты не догадался.

– Догадался, – кивнул Седой, аккуратно откусывая хорошо прожаренное мясо, – пощупать за одно место этого Авархана. Думаешь, он тебе скажет больше?

– Нет, – отрезал Рамир, – если что и скажет нового, то вряд ли это будет для нас открытием.

– Тогда к чему такая спешка? – немного удивился начальник пограничной стражи, – пусть убирается в свою Мурганию. Если, конечно, доберется. Дороги-то нынче ох какие небезопасные.

Седой было засмеялся, но тут же замолчал, потому что лицо герцога стало еще более хмурым и суровым.

– Нет, – наконец поделился он своими тревогами, – мне не интересны его секреты. Гораздо важнее, что он расскажет своему владыке?

– А что он расскажет? – опять удивился Седой, – о том, как без толку гонялся за Светом? О том, что тот улетел на корабле, что летает меж звезд, и быть может, никогда не вернется?

– Не болтай ерунды, – герцог теперь рассердился по-настоящему, – Свет обещал вернуться и он вернется. А беспокоюсь я потому, что как раз Свет меня и предупреждал – бойтесь разведчиков мурганского владыки. Этот Авархан видел разрушенные города и села; видел безлюдье наших стран. А в крови Гумирхана – повелителя Мургании – течет кровь великого завоевателя. Сильно разбавленная, конечно... но все же! К тому же он наверное до сих пор ночами не спит от ярости. Кому он кинется мстить, если нет главного виновника его бесчестья? Его друзьям. Мне, Би Рослану, Ширко. Устоят силы наших государств, даже объединенные, против армии Гумирхана?

Бывший разбойник вскочил из-за стола, как только в голосе герцога появилась первая гневная нотка. Теперь и он заполнился тревогой – за свою новую родину.

– Приказывай, мой герцог, – воскликнул он, готовый тут же мчаться с поручением владыка.

Рамир улыбнулся.

– Едем завтра с утра. Готовь своих людей – может, придется устроить погоню за Аварханом...

Герцог как в воду глядел. Правитель Рагистана встретил его объятьями. Видно было, что он очень хочет угодить желанному гостю. Увы – главного подарка Рамиру он сделать не мог.

– Авархан? – протянул он задумчиво, когда два правителя остались наедине за накрытым для трапезы столом, – не знаю такого.

Тогда франский герцог стал описывать внешность командира мурганских лазутчиков – так, как о нем рассказывал один из бывших подчиненных. С каждым словом Рамира лицо правителя Рагистана темнело; скоро к этой тени примешалась немалая доля виновности. Би Рослан действительно вспоминал сейчас свой разговор с купцом из дальних стран – не сказал ли он что лишнего?

Увы – рассказал он действительно очень много. Но большей частью это было не нынешние секреты рагистанского государства, а жизнеописание подвигов Света – вплоть до его исчез-

новения в космических далях. В Би Рослане – как только в крови начинало бурлить вино – просыпался историк, скорее даже летописец. Об этом он и рассказал сейчас герцогу.

– Увы, мой друг, – кивнул он виновато, – этот купец покинул Шахрихан трое суток назад. Ширко порывисто вскочил.

– Думаешь, его еще можно догнать? – с надеждой поднялся рядом Би Рослан.

– Попытаться надо, – ответил Рамир, – я пошлю за ним своих лучших людей.

– А я добавлю полсотни стражи, – пошел вслед за герцогом к двери старый историк.

Блюда на столе, источавшие тонкие дразнящие запахи, так и остались нетронутыми...

Седой разбойник поначалу был недоволен приданным отрядом. Он считал, что такой большой командой он может спугнуть добычу, дать ей затаиться на просторах разоренной страны. Но воины в полусотне были опытными; командир служил еще при прежних властителях, и хорошо помнил подвиги Света на ристалище. Сейчас же, узнав, что сборную команду возглавил чуть ли не лучший друг легендарного героя, слушал Седого беспрекословно.

На след мурганских лазутчиков они напали не случайно, но совершенно неожиданно. Скорее это даже мурганцы обнаружили их, напав из засады. Вот тут Седой и оценил любезность рагистанского властителя. Не будь полусотни стражников, неизвестно – вернулся бы Седой разбойник в свой лес на франских землях.

Командир мурганских лазутчиков оставил в засаде два десятка опытных вояк. И хотя нападение совсем уж неожиданным не получилось, десятку Седого вряд ли удалось бы его отбить. Мурганцы бросились в атаку молча, выпустив болты из пяти арбалетов. Это страшное оружие и собрало самую кровавую жатву. Потому что яростную атаку встретил сплоченный рагистанский строй. Два десятка конных воинов, привыкших к рубке один на один, наткнулись на эту стену и отхлынули, потеряв ровно половину всадников. А со спины к ним уже приближались бойцы Седого. Эти действовали бесшумно, но не менее эффективно и безжалостно. Мурганцев вырезали всех, потеряв не больше десятка убитыми и ранеными. Единственного пленного Седому пришлось заслонять своей грудью. Много этот мурганец не рассказал – простой воин не знал всех замыслов командира. Однако подтвердил, что Авархан приказал безжалостно гнать коней. Видимо, почувствовал погоню.

Следующий заслон – через два дня – насчитывал уже только один десяток. Здесь пленных оказалось больше. Сдался даже командир десятка. А виновным в этом он назвал самого Гумирхана. Оставляя этот десяток, командир в своей напыщенной речи проговорился, что своей кровью они прокладывают дорогу домой посланцу мурганского владыки. Он – Гумирхан – так и сазал: «Главное – чтобы я добрался до побережья. Даже если все вы сложите головы здесь, на чужбине». Командир десятка посчитал цену спасения одного человека, пусть высококордного начальника, слишком высокой.

А Седой недоумевал. Противник сам распылял силы. От мощного отряда, который численностью поначалу практически не уступал преследователям, у мурганского командира осталось меньше половины. Начальник франской пограничной стражи не верил, что мурганский владыка послал в такой дальний поход идиота. Поэтому Седой ждал подвоха. И дождался – совсем неожиданного. Остатки лазутчиков они гнали четверо суток. Седой еще раз поблагодарил Би Рослана – если бы не кони рагистанцев, привыкшие к дальним переходам, мурганцам может быть и удалось бы оторваться. Но выносливые кони все-таки настигли беглецов.

Мурганцы при виде близкой погони поступили, на первый взгляд, совсем неразумно. Они спешили, явно отдавая инициативу преследователям. Седой, хоть и не служил никогда в регулярных войсках, понимал – в ровной, как стол, степи у пешеходов против конников, превосходивших их численностью втрое, нет никаких шансов. А мурганцы, как оказалось, сопротивляться не собирались. Они дождались, когда преследователи практически доберутся до них – шагом – и бросили под копыта коней оружие. Здесь обошлось без единой капли крови.

Увы – и без Авархана тоже. Потому что командир мурганцев, так ловко прикидывавшийся купцом, пропал из отряда сразу, как только исчез из виду второй заслон. Четверо суток он гнал лошадь в неизвестном направлении.

– Нет, – поправил себя Седой, – направление известно. Это побережье Великого океана. Но туда ведут тысячи дорог...

Утром рагистанская полусотня с пленниками отправилась назад, в Шахрихан. Командир полусотни вез послание Великому герцогу франов. В нем Седой сообщал, что отправляется к побережью, в Баргас. Он надеялся перехватить лазутчика там, где последнего ждали корабли.

Авархан тем временем как раз протискивался с конем в узкую расщелину, ориентиром которой служила высокая одиночная скала. Эта тайна была самой главной в том океане информации, что выплеснул на мнимого купца осоловевший от вина рагистанский правитель.

Мурганский соглядатай понимал, что рано или поздно за них возьмутся. Найдется такой правитель, до которого дойдут слухи о целом отряде чужаков. И он задаст себе вопрос:

– А что им надо на моей земле?

Поэтому уже следующим после визита во дворец рагистанского правителя утром он успешно пристроил остатки товара, спрятал второй уже увесистый кошель с золотом за пазухой и отправился в точку, где его должен был ждать отряд. Четверо воинов, что сопровождали его в Шахрихан, о кошеле ничего не знали. Они, кстати, все вместе вошли в первый заслон. В тот, куда сам Авархан включил самых горячих головорезов.

Потом его отряд уменьшился еще на половину. Мурганец подгадал так, что эта засада, на храбрость которой он надеялся много меньше, была устроена совсем недалеко от тайной расщелины. Так что покинув остатки отряда, в которых сорвиголов не осталось совсем, он почти сразу скрылся в густых зарослях, что скрывали тесное ущелье от нескромных взглядов. Авархан, сам не подозревая, повторял сейчас путь капитана Фарада. Только вот отряда работников ему не встретилось.

В первую же ночь от него сбежал спугнутый каким-то диким зверем конь. Злиться Авархан мог только на себя – давно прошло то время, когда его руки привычно ухаживали за лошадью. Пришлось ему топтать ножками. За неделю блужданий он исхудал, стал стройным настолько, что даже собственные наложницы вряд ли бы узнали его. Однако это не помогло бы ему прикинуться все тем же купцом, и беспрепятственно покинуть родную деревушку Света, на которую он чудом наткнулся, если бы дома были глава рода Багун и его жена Зера. Старый дуганец скорее всего заподозрил бы в этом исхудалом толстячке лазутчика; по крайней мере не отпустил бы его сразу, без тщательной проверки.

На счастье Авархана эта почтенная пара отсутствовала – нагрузив полную лодку немудреного товара они отплыли в сторону Обители. Там в это время как раз проходила ярмарка. А бывший капитан Фарад тоже был человеком опытным, но в силу своей молодости более доверчивым. Услышав, как незнакомец называет себя другом молодого охотника Света, он расцвел улыбкой и встретил мурганца как самого дорогого гостя. Впрочем, слово «мурганец» в этой деревушке ни разу не прозвучало. Авархан представился дуганским купцом, чем вызвал легкое недоумение капитана. Однако Фарад не стал интересоваться, что общего могло быть у Света с дуганским купцом. Тем более, что незнакомец ловко ввернул в разговор несколько фактов, которые мог знать только очень близкий охотнику человек.

Уже следующим утром лодка, загруженная припасами для долгого пути, отчалила от причала, рядом с которым все обходили огромное черное пятно не зарастающей травой земли. Авархан, показывая, что и этот скорбный знак ему тоже известен, постоял у этого пятна, почти-тельно склонив голову. Капитан Фарад сам проводил его – и по течению Русинки, и по Большой реке – до того места, где один из его соплеменников охранял лодку Багуна. Здесь Фарад сошел на берег. Он предлагал остановиться здесь ненадолго и новому знакомому.

– Оставайся, – горячо воскликнул он, отдохни пару дней. Скоро здесь будут Багун с Зерой – это родители моей жены. Увидишь, как они обрадуются другу Света.

Авархан внутренне поежился. Он почему-то подумал, что эта встреча не принесет ему ничего хорошо. Потому и отклонил искренний порыв молодого капитана, сославшись на срочность. Даже приплел в свой отказ самого Света – что путешествует не просто так, для собственного удовольствия, а чуть ли не по поручению охотника.

Он, естественно, не мог увидеть встречи Фарада с родственниками; так же, как и слушать их разговор. Но он действительно угадал – старый дуганец пожал плечами, услышав незнакомое имя, а потом насупил брови, под которыми наполнились подозрительностью глаза.

– Жаль... Жаль, что ты не задержал его здесь, – проворчал он Фараду, – чует мое сердце, что об этом человеке мы еще услышим. И это будет не самая хорошая весть для нас...

Авархан тем временем радовался, что путь его лежит по течению реки, а не против него. Иначе он никогда не добрался бы до океана. Теперь же он изредка подгребал веслами, стараясь держаться середины русла. Берега Большой реки и в прежние времена не были особо заселены. Сейчас же они были совсем пустынными. Авархан об этом знал – все из тех же рассказов Би Рослана. Многие в тех рассказах показалось ему сказкой, сочинительством старого историка. Но вот в этом – в описании водного пути от океана к деревушке на берегу Русинки – Би Рослан был абсолютно точен. Мурганец убеждался в этом с каждым днем, двигаясь на лодке в обратном направлении, к Великому океану.

Продукты в лодке тем временем быстро таяли, и мурганец стал ограничивать себя в еде. Золото, что хранилось в двух тяжелых кошельках, сейчас его не радовало – ведь купить на него даже кусок хлеба здесь было не у кого. Добывать пропитание рыбалкой или охотой он не был приучен. Впрочем, как бы Авархан не был самокритичен, какую-то дичь он все же добыл бы. Только вот что-то словно шептало ему: «Скорей! Не теряй ни мгновенья! Иначе можешь опоздать!». К чему именно он мог опоздать, мурганец не представлял. Однако в последнее время он привык доверять таким вот предостережениям судьбы.

К концу путешествия он стал почти таким же стройным, как в те далекие годы, когда начинал карьеру военного моряка. Именно блеск его голодных глаз не позволил жителям; точнее одному жителю – старосте рыбацкой деревушки – начать расспрашивать его о путешествии. И Авархан скоро поблагодарил небо, что не стал сразу бить себя в грудь, представляя другом охотника Света. Потому что староста – могучий кряжистый старик – был много мудрее и опытнее капитана Фарада; и лучше знал Света. Поэтому Авархан о таком знакомстве даже не стал заикаться.

Он на ходу выдумал жалостливую историю о погибшем караване, о долгой дороге домой, к морю (здесь о Мургании он тоже предусмотрительно промолчал) и о нескольких жалких оставшихся золотых монетах. Одна тут же перекочевала в руки старосты, а лодка быстро наполнилась провизией. Авархан даже не стал останавливаться здесь на ночлег – как бы подозрительно это не выглядело. Внутренний голос уже вовсе кричал, торопил вперед.

Последний переход дался Авархану труднее всего. Да – корма лодки была полна еды; однако он не давал себе наслаждаться окрестностями, как прежде. Авархан неустанно греб; забывался лишь на короткий сон и отдых, и опять греб, загоняя вглубь нарождающийся неприятный страх. Он был потомственным моряком; что такое гребля знал не понаслышке. Однако так неистово не работал никогда. Потому что родом был из богатой семьи, по службе продвигался быстро и многое – в том числе многочасовые ежедневные тренировки с веслами в руках – прошло мимо него.

А потом пришлось грести еще неистовей – чтобы лодку не отнесло в океан, мимо порта. У пристани он бросил челн, который на многие дни стал для него домом. Бросил, потому что видел рядом два корабля своей флотилии.

– Ага, – подумал он устало, – только один капитан осмелился вернуться без «Орла».

Пошел он сначала все-таки не на свой корабль, а в портовый трактир, выбрав поприличней. Он уже был здесь – почти две зимы назад. Тогда трактир был почти пуст, и трактирщик угрюмо протирает тряпкой пустые кружки, стоя под приметным украшением – черепом неведомого зверя с огромными рогами, по центру которого чернели три круглых отверстия. Теперь Авархан знал, кто оставил здесь память о себе, отметив эту белую кость выстрелами из лука. Именно отсюда начался переход Света через Великий океан, навстречу битве с колдуном.

В глубине души мурганец признавал, что свой подвиг молодой охотник свершил и во имя его родины тоже; что не будь его, Узох в конце концов наложил бы свои жадные руки и на мурганские земли. Но чувство это было спрятано в душе столь глубоко, что сейчас даже зримое подтверждение присутствия здесь когда-то Света не заставило его шевельнуться.

В трактире между тем назревал скандал. Очевидно такие стычки здесь происходили не в первый раз, потому что посетители быстро сгруппировались в три неравные кучки. Первая – самая многочисленная – в потасовке участвовать не желала и потому сейчас тонкой струйкой просачивалась в двери, на улицу. Вторая собиралась вокруг верзилы, который своим мрачным видом показывал – он готов пойти до конца. Этот был местным; очевидно не лишенным какой-то власти над людьми, потому что последние поглядывали на него с опаской, но с еще больше надеждой.

Наконец последняя – самая малочисленная, но и самая организованная группа – состояла из соотечественников Авархана. Рудахан – тот самый капитан, что рискнул отдать себя суду владыки, а прежде его – Авархана – сейчас стоял перед местными забияками с весьма воинственным видом.

– Я бы даже сказал, презрительно воинственным, – поправил себя капитан, на которого никто не обратил внимания.

И действительно – в исхудавшем, загоревшем дочерна и одетом в порядком потрепанную одежду дуганского купца трудно было опознать блистательного капитана, который две зимы назад выступил отсюда вслед за обидчиком мурганского владыки. Авархану поначалу очень хотелось спрятаться в темном уголке, полюбоваться на удачу соотечественников; а может, и позлорадствовать на их разбитые рожи – вон какие могучие кулаки у предводителя местных драчунов. Но то самое чувство, что гнало его сюда долгие дни и ночи, заставило бросить повелительно от самого порога:

– Рудахан!

Так непочтительно, без обязательной приставки «господин капитан», или хотя бы просто «господин», без всяких последствий для себя могли обращаться к мурганскому капитану немногие. За пределами Мургани – лишь один человек. Его – капитана Авархана – и признал Рудахан с великим изумлением в оборванце, застывшем на пороге трактира.

Первым его желанием было как-то избавиться от этой иссохшей тени собственного начальника; ведь до этого мгновения Рудахан считал себя главным среди мурганцев. Второй мыслью было воспоминание о пыточных подвалах Гумирхана, о которых он много слышал, но совершенно не желал туда попадать. И последнее, а вовсе не субординация, заставили его подтянуться, и броситься к прищельцу с громким воплем:

– Господин Авархан! Вы вернулись!

Точнее броситься он попытался. Рудахан совсем забыл о назревающей драке и о грозном сопернике, что противостоял ему. А тот тут же напомнил, придав броску мурганского капитана еще большее ускорение. Сильный, и еще более обидный пинок под мягкое место едва не швырнули Рудахана в объятия своего начальника так, что их они оба вполне могли вывалиться наружу, вслед за самыми осторожными посетителями. Однако дверь в трактир открывалась вовнутрь, так что она вряд ли выпустила бы мурганцев – это во-первых. Во вторых, перед Рудаханом стоял совсем не тот человек, что напутствовал его когда-то перед рейдом за «Белым Орлом». Вместе со стройностью Авархан приобрел и истраченную когда-то сно-

ровку и резкость в движениях. Потому он пропустил мимо себя тушу Рудахана, чей полет провозжали взглядами и соратники, и соперники. Он почти сразу же оказался у стойки, где все тот же хозяин по привычке держал в руках пустую кружку и тряпку. На эту кружку Авархан и показал пальцем:

– Вино есть?

На эту фразу отреагировал только трактирщик. Он машинально кивнул, не отрывая взгляда от Рудахана, сидящего сейчас у порога и мотавшего головой, которая на своем пути встретила твердое дерево дверного полотна. Видно было, что хозяин уже подсчитывает убытки от разгрома заведения, которые, как принято, должна будет возместить побежденная сторона. И возместить – как обычно это происходило – с хорошим барышом для хозяина.

Однако до потасовки дело так и не дошло – как ни пытался чуть позже возмутиться по этому поводу пострадавший мурганский капитан. Потому что Авархан с громким стуком шлепнул о прилавок золотой монетой с изображением какого-то бородатого правителя и еще более громко возвестил:

– Вина для всех! Вина столько, сколько пожелает каждый!

Порыву людей не смог теперь препятствовать даже предводитель местной шпаны – тот что наградил Рудахана пинком. Он и Авархана не оставил без внимания. Огромная, подобная лопате, ладонь с размаха опустилась на плечо капитана:

– Вот это по нашему, по-баргасски!

Авархан стерпел, лишь скривился и подумал:

– Ничего, дружок. Придет время, и все тут будет по нашему, по-мургански. И здесь, и...

Перед глазами промелькнули картинки городов и сел, где он успел побывать за эти две зимы; богатые покои рагистанского правителя и бесформенный комок золота на его короне. А потом он начал командовать – как и подобает настоящему капитану. Рудахан засунул свою обиду поглубже в... В общем, усилиями двух капитанов совсем скоро команды были на кораблях. Там же Авархан «обрадовал» соотечественников:

– Мы отправляемся домой. Сегодня же.

– Но, мой господин, – попытался возразить Рудахан, – а как же остальные корабли? И потом – как идти без припасов через океан? За день нам их не набрать. Да тут вообще набрать припасов на два корабля не получится. Если только силой отобрать...

– Отберем, – со зловещей улыбкой пообещал ему Авархан, – но не сейчас. А сейчас нам надо отплывать, иначе может быть поздно.

В чем именно была угроза, капитан не знал и сам; однако он знал точно – времени терять никак нельзя. А еще – он вовремя вспомнил рассказы Би Рослана. Те самые, о путешествии Света. О том, что всего в трех дневных переходах отсюда находится первый из Диких островов. А на нем – фактория из моряков, которые не пожелали вернуться домой. Оттуда на материк шли корабли с продовольствием; там же можно было запастись на долгий путь домой. Тем более, что платить за припасы совсем не обязательно.

– Вот там, – пообещал Авархан капитану второго корабля, – ты и сможешь отомстить за свою обиду...

Седой остановил коня на высоком склоне горы, которая окружала Баргас со всех сторон. Он был здесь впервые, как и четверо его попутчиков. Однако не сомневался, что сможет поднять жителей, чтобы задержать мурганских лазутчиков. Для этого у него было волшебное слово: «Свет!». Начальник совсем немногочисленной стражи франского герцога огляделся, прежде чем направить коня вниз, в город. Даже его суровую душу потрясла бескрайняя ширь океана; просторы, которым не было видно края. А далеко-далеко бескрайнюю синеву спокойного сегодня океана чуть нарушали две белые точки.

– Корабли, – догадался Седой, – корабли, которые, быть может уносят того, за которым я гнался, оставляя загнанных лошадей и обессиленных людей.

Совсем скоро бывший разбойник убедился, что сердце не обмануло его. Он опоздал.

Глава 3. Великий поход

Великий поход начался совсем не так, как ожидал Авархан. Громоздкая государственная машина разворачивалась очень медленно.

– Но это и хорошо, – радовался обласканный все-таки владыкой капитан, – хоть отдохну перед походом.

И он действительно отдохнул – и душой и телом. Тем более, что отдыхать было на что. Золото, которое он привез из Белого континента, заняло свое место в тайнике. На жизнь хватило и жалования за три зимы, и награды. Авархан купил к трем уже почти забытым невольницам еще двух – белую и черную – и ударился в загул. Причем, к собственному удивлению и удовольствию – хорошая встряска и долгий физические нагрузки вернули его телу поистине юношескую страсть. Он выбирался из постели лишь к столу, накрытому обычно обильно и изысканно. А иногда и стола не требовалось – яства несли и ему, и девушкам прямо к ложу.

И ему совершенно не требовалось компании; не хотелось повествовать о долгом путешествии и собственных подвигах – подлинных и выдуманных. Все, что он хотел выплеснуть из собственной души, он выплеснул, стоя на коленях – перед владыкой Гумирханом.

А потом затянувшийся отпуск закончился. Авархан не сказал бы, что он пресытился. Нет – эту оргию, что началась на следующий день после отчета владыке, он мог продолжать бесконечно долго.

– И продолжу, – успокоил он себя, – вот вернемся из похода и продолжу.

Пока же он направился на корабль, где всеми приготовлениями занимался его старший помощник. Приготовлений было много. Волею владыки его боевой корабль сейчас больше был похож на транспортный. В трюме, кроме припасов, тревожно ржали кони; вся палуба была забита радостными отчего-то воинами. Авархан понял их – наверное солдатам пообещали легкий поход и богатую добычу. Многие, очевидно, видели себя богатыми хозяевами в чужих землях. Нет, не чужих – их собственных, совсем скоро. А пока надо было потерпеть – долгий переход через Великий океан...

Переход действительно оказался трудным; даже для мурганского владыки. Прежде всего своим однообразием, надоевшей очень скоро монотонностью будней. И это для него, владыки! Не радовали ни изысканные разносолы кухни новенького, ольуо что со стапелей, корабля, ничем не уступавшего, а в чем-то и превосходившего «Белого орла», ни люди, специально прихваченные для развлечений, ни – самое главное – наложницы, подопечные Ханымы, которая конечно же не могла не последовать за своим «мальчиком». Увы – Ханыма могла развлечь Гумирхана разве только в качестве искусной рассказчицы. Ее усилия, точнее усилия девушек, которые трепетали при виде ее усатого круглого лица и гороподобной фигуры, ни к чему не приводили. Владыка давно уже не прикасался к девушкам. Точнее прикасался, конечно – ведь спал он попеременно с одной, а то и с двумя из них, но прикасался не тем местом, которого жаждал и он сам, и его наложницы, полные горячего молодого нетерпения.

Это нетерпение и стало причиной трагедии одной из них. Самая молодая, ни разу не успевшая вкусить таинства любви – потому что ко двору ее привезли, когда то самое место у Гумирхана совершенно перестало работать – положила глаз на молоденького офицера фланманского корабля. Неизвестно, сколько раз они успели насладиться друг другом, но финал этой бурной и короткой связи был предсказуемым. Ханыма застала любовников на месте преступления. Она не стала вторгаться в этот танец страсти. Неожиданно ловко для своего тучного тела она бросилась к Гумирхану и отвела его к каюте, где два молодых человека никак не могли насладиться своей страстью.

– Ну что ж, – негромко сказал владыка, усмехнувшись почти спокойно, – пусть будет так.

За его плечом заворочался Пахлаван, который тоже умел передвигаться бесшумно. Однако его мощные руки не причинили сейчас ни малейшего вреда молодым любовникам. Гумирхан сам захлопнул дверь в каюту, оставляя преступников опять наедине. Неизвестно, продолжили ли они свои полные неги и сладострастия игры в ожидании неминуемой смерти, и – что было много страшнее – еще более неминуемых пыток? И что чувствовал сам владыка, который впервые в жизни подвергся такому оскорблению (это он так считал). Впрочем нет – оскорбление, которое нанес ему голубоглазый герой, он считал более страшными.

Гумирхан поразил подданных неслыханным милосердием. Ни один волос не упал с головы любовников. Даже плетъ Ханумы не пробежалась по обнаженной спине развратницы.

Как раз этим утром эскадра корабле, что несла на своих бортах кроме экипажей две тысячи воинов и их владыку со двором, достигла Большого рифа. На камнях, обозначающих единственный известный корабельщикам проход из одной части океана в другую, сейчас никого не было. Мудрый советник, который тоже находился на флагмане, сунулся было с предложением основать здесь пост – точно такой же, какой был когда-то. Когда был жив Бородатый Бирон, собиравший немалую плату за проход кораблей. Памятником этому жадному корольку осталась лишь толстая оплавленная цепь на берегу, которую уже засидели птицы.

Гумирхан как раз разглядывал этот гигантский слиток. Корабль по его повелению оставался точно посередине прохода. На остальных кораблях парусов тоже не было. Все замерло, ожидая и развязки трагедии, а советник – еще и ответа на свой вопрос.

– Зачем, – повернулся к нему владыка, – зачем строить и содержать тут пост, если оба берега океана будут нашими... моими?

Он, видимо прочел в глазах мудреца еще один, невысказанный вопрос, и тоже ответил на него:

– А если нам не суждено вернуться назад... тогда тем более этот пост не нужен.

Придворные – а кроме советника, да Ханумы с Пахлаваном, на палубе сейчас собрались мурганские военачальники, принялись было славословить владыку и его воинскую удачу, но Гумирхан дернул щекой, прерывая самых громкоголосых. Потому что пришло время возмездия – так как его воспринимал владыка.

На палубу – прямо под навесом, где и собрались высшие сановники Мургани во главе со своим повелителям, вывели пару прелюбодеев. Они были полностью обнаженными и, несмотря на ужас, что заполнял их лица, прекрасными своей молодостью. И опять ни один удар не обрушился на их плечи. На островах – которых большой корабль едва не касался бортами, шли приготовления к казни. Они были очень простыми – в камень вкопали, а скорее буквально вколотили два столба.

Владыка кивнул и вперед выдвинулся Пахлаван. Сначала он взялся за парня, и с ним не церемонился – хотя это был потомок знатного рода. Многие в свите монарха сейчас предположили, что этот род скоро перестанет быть знатным; а может и вовсе исчезнет. Пахлаван легко вскинул голую жертву на плечо и одним прыжком оказался на каменистом берегу. Тут скала была даже чуть выше борта, так что собравшиеся на капитанском мостике – а здесь этим утром было тесно от свиты Гумирхана – было хорошо видно каждое движение палача.

Молодой моряк не сопротивлялся; видно было, что он уже простился с жизнью, и сейчас его мучило лишь осознание того, что девушка, подарившая ему несколько прекрасных ночей, тоже примет сегодня мучительную смерть. А в том, что смерть этих двоих будет ужасной, не сомневался никто в многотысячном войске.

Корабль Авархана в караване судов шел вторым. Сам капитан был на носу корабля, потому хорошо видел, что происходило на палубе флагмана. Вот толстые, подобные бревнам руки палача потянулись к наложнице владыки. О том, что это была женщина, единственным призванием которой было греть постель Гумирхана знали все – неведомым путем злая весть преодолела расстояние между кораблями, которых в эскадре насчитывалось четыре десятка.

Сейчас эта несчастная гордо подняла голову и тряхнула плечами, с которых словно перерезанные острым ножом веревки спали руки двух воинов, что держали ее. Красавица так же гордо, не опуская вниз глаз под взглядами сотен моряков, глазевших на эту необычную казнь, шагнула на край палубы и легко перепрыгнула на берег. Если кто-то ждал, что она не остановится, попытается бежать от ужасной участи, они тут же убедились – храбрость девушки не знает границ. Она сама подошла к столбу и встала к нему спиной, заведя руки за него – лишь бы ее поменьше касались руки Пахлавана. А телохранитель, волею владыки сейчас ставший палачом, к этому и не стремился. Он хорошо знал вспыльчивый, временами безудержный нрав своего повелителя. Эта женщина, несмотря ни на что, оставалась собственностью Гумирхана, и беззастенчиво лапать ее Пахлаван остерегся.

Флагман чуть заметно качнулся, когда гигантская туша телохранителя заскочила на его борт. Теперь на берегу оставались только молодые любовники, разделенные пока надстройкой корабля. Но вот моряки забегали, поднимая паруса; не отставали от них другие экипажи. Корабль Авархана проходил в опасной близости от скал, но капитан не смотрел на них. Он пытался поймать взгляд юной красавицы; понять – сознает ли та, что их обоих ждет мучительная смерть – от жажды, с выклеванными глазами и другими мягкими частями тела; ведь чайки уже кружили над эскадрой, словно подгоняя корабли.

Но девушка смотрела сквозь капитана, и сквозь его корабль – туда, где стоял надежно привязанный к столбу парень. Авархан не проследил ее взгляд, не смотрел на юного моряка, отца которого хорошо знал. Потому что был уверен – тот тоже видит сейчас лишь свою возлюбленную. И капитан внезапно позавидовал этим людям; а еще – почему-то вспомнил о своих наложницах, которых в дальний поход не стал брать. А зачем? – красавиц в государствах Гудваны хватает. И скоро все они будут к услугам победителей. А вспомнил сейчас лишь потому, что представил свое «имущество» в жадных лапах оставшихся в Янгикургане молодых.

Авархан от такой мысли даже чуть не закрипел зубами, но вовремя спохватился. На его корабле, как и на всех других хватало тайных соглядатаев Гумирхана. Как бы кто из них не подумал, что капитан сейчас скрежещет зубами, жалея юные жертвы. А о том, что такая весть до ушей властителя достигнет очень быстро, Авархан не сомневался.

Фактории на Диких островах разрушать не стали. Владыка лишь оставил здесь своих наместников (как громко для жалких поселений!), с небольшими воинскими отрядами, да приказал выгрести все запасы провизии. Ну еще местные жители не досчитались нескольких женщин разных возрастов, которые не успели спрятаться в глубине островов. А вот Баргасу пришлось туго. Это был первый город в большой победоносной войне, и Гумирхан отдал его на разграбление войску. Впрочем, пристань сразу же взял под охрану специально назначенный отряд.

Жители портового города спохватились очень поздно. Этот город всегда был готов к подобным катаклизмам. Такой штурм был в истории Баргаса не первый. Но никто не ожидал неоправданной жестокости, резни и массовых убийств. Гумирхан словно решил повязать кровью своих воинов, так, чтобы они поняли – впереди только победа или смерть. И первым открыл счет бессмысленным убийствам капитан Рудахан. Во главе своей озверевшей от крови команды он ворвался в тот самый трактир, где его когда-то унизили. Хозяина, который обычно стоял за стойкой, под черепом животного с удивительно развесистыми рогами, сейчас не было. Зато был тот, что отвесил ему когда-то увесистый обидный пинок. Два врага сошлись в центре небольшого зала, снося все вокруг. Ни моряки, ни дружки местного головореза не вмешивались, пока голова мурганца не покатилась на пол, снесенная тесаком огромного противника. Как бы ни был искусен в фехтовании мурганский морской офицер, ярости главаря самой крупной банды Баргаса он ничего противопоставить не смог. Зато могли другие моряки. Сразу три арбалетных болта глубоко утонули в груди великана, и тот, рыча, упал на труп своего повер-

женного противника. А потом началась рубка – свирепая и беспощадная, по последнего, оставшегося в живых. Таким оказался невысокий, но удивительно широкий боец – из местных. Точнее, местным он не был, но прожил в Баргасе целую зиму. И сейчас едва не погиб в жестокой схватке, хотя имел приказ от своего начальника, Седого. Квадратного звали Бурматом, и задание он имел одно – дожидаться появления захватчиков, и немедленно отправляться к франским землям – с дурными или добрыми вестями.

Последнее чуть не сыграло злую шутку с Бурматом. Он был очень немногословным парнем; переспрашивать – что означает «дурные или добрые» – не стал. А значит, решил разобраться сам; хотя бы узнать – сколько врагов привел с собой лазутчик. По его прикидкам, выходило не меньше двух тысяч воинов.

– Меньше, – злорадно подумал он, вспомнив схватку в трактире, – намного меньше.

Сейчас он скользил по вечерним улицам, стараясь оставаться в тени домов, и видел следы ожесточенных схваток. Увы – по большей части опытные мурганские бойцы выходили победителями. Уже на крайней – подгорной улице Баргаса, которая, кажется, так и называлась, он наткнулся на один такой «поединок». Мурганский воин рвал на молчащей девчонке лет семнадцати платье. Ее кафтан уже валялся на холодной земле; очевидно он означал ложе будущих утех. За этой картиной наблюдал, подбадривая друга, второй мурганский воин. И опять Бурмат нарушил приказ своего начальника. Пройти мимо этих насильников он не смог. Да и воин – тот что наблюдал, вытянул свою шею в предвкушении зрелища исключительно удачно. По ней Квадратный и рубанул с оттягом, так что густая струя крови плеснула на спину насильника. Оглянуться второй не успел – последовал за товарищем туда, где уже никакие женские прелести не нужны.

А на Бурмата уставились огромные глазищи девчонки; уставились с такой надеждой, что он обреченно вздохнул – понял, что не сможет оставить ее тут. Он все таки оставил Ньюшу – так звали девушку в родном доме, где теперь в живых не осталось никого. Оставил в кустах, в полверсте от города. Потому что понял, что пешком им далеко не уйти. Спрятаться в лесной чаще так, что никакой, самый лучший следопыт не сможет их отыскать, у него бы получилось. И девушку бы спрятал. Но задача была – не прятаться, а мчаться изо все сил домой, на новую родину. Потому он и вернулся – за лошадьми.

Из зарослей на горе, окружавшей Баргас, он видел, что захватчики, словно пьяные о победы (а может, и от вина) перемещаются хаотично из одной улицы на другую, выискивая немногих спрятавшихся жителей. А дальше – в порту – шла организованная работа. Из трюмов выгружали лошадей. На один такой табун и обратил внимание Бурмат. Вернее на коня, которого с особой тщательностью и бережностью выводили на пирс по широкому трапу. Если бы Квадратный – так его раньше звали товарищи по разбойничьему ремеслу – знал, что это скакун самого Гумирхана, он обошел бы табун по самой большой дуге, в поисках другой добычи. А может, и не обошел бы. В нем, как в любом удачливом (в прошлом) разбойнике, была доля авантюризма. Может, он бы подумал, что охранникам и в голову не придет, что кто-то может покуситься на имущество владыки?

Как бы то ни было – конюхи, или те, кто выполняли сейчас роль таковых – вернулись за очередной партией лошадей, томящихся в тесных трюмах, оставив первый табун под охраной всего двух мурганцев. Вот эти были действительно конюхами. Они погнали коней подальше, к зеленевшей за пределами города траве, даже не имея при себе никакого оружия. Бурмату даже стало жалко их.

– Сидели бы дома, – буркнул он, заскакивая с удивительным для его роста проворством за спину первого конюха.

Мурганец захрипел перерезанным горлом, и на этот страшный звук повернулся второй – чтобы получить тот же клинок в свою грудь. Метать ножи Бурмат умел хорошо. А еще – он умел управляться с лошадьми; научился, когда отгонял с подельниками отбитые у торговцев

караваны. Табун перевалил через гору и скрылся от глаз второй партии конюхов. Эти взяли чуть левее и скоро пасли свой табун, гораздо больший, на свежем пастбище. А Квадратный вел за собой восьмерку лошадей. Они все были как на подбор; Бурмат только сейчас, уже сидя на одном из коней оценил это. Раньше, со стороны, в глаза бросались в первую очередь стати скакуна владыки.

Нюшу Квадратный нашел в том самом месте, где оставил. Девушка вжалась в куст за спиной, когда он спрыгнул с коня, а потом вдруг расцвела, узнав спасителя. Впрочем, расцвела – это было сказано слишком громко, ведь сегодня она потеряла всю семью и дом.

– На лошади ездить пробовала? – отвлек ее от горьких мыслей Бурмат.

– Немного, – кивнула Нюша.

Ее лицо было плохо видно в сгущающейся темноте; однако Квадратный разглядел еще одну слабую улыбку.

– Вот сейчас и научишься по-настоящему, – «порадовал» ее Квадратный, – если получится, будем ехать всю ночь.

Девушка опять кивнула. Ее молодое тело словосочетание «всю ночь» не пугало. Ни она, ни Бурмат пока еще не подозревали, насколько трудной будет дорога...

Ранним утром военачальники, капитаны кораблей и немногие придворные молча толпились у шатра повелителя. Гумирхан не пожелал ночевать в пропахшем кровью и насилием Баргасе. В шатер, который поставили на небольшом пригорке, он вошел к трем наложницам. Именно столько осталось красавиц с его походным гареме после казни одной наложницы. Владыка поужинал вместе с ними, вполне дружелюбно побеседовал и завалился спать, даже не дотронувшись до них. Неизвестно, был бы он так приветлив с девушками, если бы услышал их негромкий разговор – незадолго до его появления.

– Ах, – чуть слышно воскликнула одна из них, золотоволосая миниатюрная красавица, – а все равно завидую Залейхе (так звали девушку, что оставили на острове Большого рифа). Какая любовь! А ты бы так смогла, – обратилась она к другой девушке – темненькой, гораздо более пышной формами.

Та на несколько мгновений задумалась, а потом решительно потрянула головой, отчего толстые черные косы разлетелись по сторонам:

– Смогла бы! Но не с первым встречным. А вот с тем голубоглазым незнакомцем... Помните – он еще наказал Ханьму?... Вот ради него, ради одной ночи с ним я пошла бы на самую лютую казнь.

И девушки негромко захихикали, вспоминая, как грозная хранительница гарема единственный раз оказалась в их руках...

Владыка наконец-то вышел из шатра. Он выглядел очень довольным, и его походная свита незаметно выдохнула с облегчением. Но не вся – в крайнем правом ряду выстроившихся перед повелителем придворных наблюдалась какая-то напряженность. Гумирхан поощряюще кивнул; он все еще улыбался:

– Говори.

На колени перед ним бросились сразу двое – один из капитанов и другой воин. Гумирхан с трудом вспомнил его – кажется он был начальником стражи у этого самого капитана. Два лба гулко ударились о камень, как только улыбку на лице владыки сменила тень неудовольствия. Пока лишь оттого, что его слово: «Говори!», – осталось без ответа.

– Владыка, – поднял наконец голову капитан, – твой Олтын...

– Что с моим конем? – лицо Гумирхана стало еще темнее.

– Его украли, – поднял рядом с капитаном начальник стражи, – тайно, варварски напали на охрану и конюхов. Убили двоих и увели Олтына и еще семь скакунов.

Гумирхан посмотрел направо – туда, где мрачно темнели баргасские дома. Он понял, что там обрушивать ярость не на кого.

– Придется на этих недоносков, – вздохнул он про себя, и тут же добавил вслух, – их поймали?

– Нет, владыка, – опять ткнулся лбом в камень капитан, – погоню отправили, но она пока не вернулась.

Гумирхан им ничего не сказал. Он вычеркнул обоих из живых; только лишь потому, что своим разгильдяйством они омрачили такое удачное начало похода. Он даже не глянул больше на них, лишь кивнув Пахлану. Потом выделил нескольких военачальников, среди которых был капитан Авархан и показал на соседний холм, куда тут же бросились слуги. Начинать совет в шатре, где еще спали наложницы, он не захотел. Владыка шел на совсем близкий холм достаточно медленно – так, что слуги успели принести и его походное кресло, и длинные лавки для остальных, и даже маленький столик перед креслом накрыли – с фруктами, холодным мясом и лепешками. А еще там стоял кувшин и пара бокалов. Но к вину правитель пока не прикоснулся. Он взял в руки кусок мяса и половину мягкой лепешки и кивнул Авархану:

– Рассказывай!.

Капитан не рискнул переспросить: «А о чем, собственно, рассказывать?». Он сообразил, что главное на этом совете – решить, куда направит свое войско Гумирхан. Авархан начал рассказывать о своем путешествии – о тех городах и странах; о людях, их населяющих; богатствах, что ждут завоевателей. Единственное, о чем он не мог сейчас рассказать – о тех странах, где он не побывал, убегая от погони по глухим безлюдным местам.

– Но там, – закончил он, – тоже есть города, которых потрепало бедствие. Той дорогой идти предпочтительней, потому что там будет добыча, будет продовольствие. А другим, тайным путем, можно направить небольшой отряд, который не только разведает все получше – я-то ведь видел путь только из лодки – но и сможет зайти в тыл противнику. Если только кто-то отважится выступить против войска великого Гумирхана.

При имени повелителя все дружно вскочили и закричали, показывая своим усердием, как они верят в военную удачу своего предводителя. Гумирхан как раз сжевал последний кусок мяса и все-таки налил полный бокал вина. Так что выпил он под славословия в свой адрес.

– Хорошо, – вытер он наконец губы платком, услужливо поданным из-за спины Пахланом, – вот ты с этим отрядом и пойдешь.

Следующим утром сотня конных воинов, с оружием и припасами на заводных лошадях, отправилась вдоль Илети в дальний поход. Во главе этого отряда на сером коне неторопливо ехал капитан Авархан. Он был безумно рад тому обстоятельству, что поход этот проходит для него далеко от владыки. Перед его глазами до сих пор болтались в петлях двое несчастных – те, что не уберегли любимого скакуна Гумирхана. И даже то обстоятельство, что два корабля, груженных доверху самым ценным, что удалось добыть в разгромленном Баргасе, везли и его немалую долю, не заставляло сейчас капитана сменить угрюмую гримасу на лице на улыбку.

Глава 4. Битва за континент

Глядя с высоты птичьего полета на две рати, с самого утра выстроившихся для решительной битвы, трудно было поверить, что это было все, что смогли выставить два континента. Но птицы, действительно слетевшиеся на это пересечение границ сразу трех государств Белого материка, об этом, конечно же, думать не могли. Так же, как не могли задать вопрос: «А зачем, собственно, им биться здесь, на радость стервятникам?».

Два материка – Белый и Черный – были разорены долгой зимой. Целые города лежали в руинах; поля были не засеяны, а нивы не скошены. Так что речь не шла о территориях – земли хватило бы всем, на долгие века. Как всегда, решила все жажда власти. Власти одного человека – мурганского владыки Гумирхана.

Веками ползущая экспансия продвигала цивилизацию с берегов Белого континента в Карахану. Предки Гумирхана, кстати, тоже когда-то высадились там, где был построен величайший из городов – Курган. Но это не помешало владыке объявить поход, который он назвал «Походом справедливости». Из двух тысяч воинов, которые сейчас собрались под мурганским стягом, чья голубая половина символизировала Великий океан, а желтая – пески не менее великой пустыни, вряд ли набрался бы хоть один десяток, искренне верящий в справедливый характер миссии, провозглашенной Гумирханом. А вот таких, что не мечтали бы вернуться с этой войны зажиточными людьми, набралось бы и того меньше.

Но кто действительно пришел сюда, преодолев полмира, не за славой и золотом, а по велению сердца, так это поединщик, которого исторгла из себя мурганская орда. Он единственный здесь любил Гумирхана искренне – и сердцем, и умом. Последнего, правда, у громадного микроцефала, было не очень много. Пахлаван – так звали поединщика – был не просто телохранителем; его с детства учили воинскому делу. Так что представлял он сейчас одну из ратей вполне заслуженно.

А на противоположном краю поля – там, где повисли в безветрии сразу три флага – разгорелся спор. Потому что в рядах объединенного войска Рагистана, славинского государства и франов такого ярко выраженного лидера не было.

Самую большую, и самую организованную силу привели на битву рагистанцы. Возглавлял стражников человек, который рагистанцем не был. Он вообще узнал о том, что есть такой народ, такая страна и такой мир недавно – не прошло и пяти лет. Но именно ему – землянину Анатолию Лазаренко, отцу уже восьмерых маленьких жителей некогда могучего государства, поручил возглавить тысячу воинов – практически все свои силы – Би Рослан. Будь сейчас на бывшем командире космолета «Стрелка» его гермокостюм, а главное – бластер, никаких споров сейчас не было бы. Против оружия ушедшей в развитии неизмеримо дальше, чем новый мир Анатолия, Земли, мурганская орда противопоставить ничего бы не смогла.

Сам Лазаренко был великолепным бойцом, мастером рукопашного боя. Большинство рагистанских воинов видели его на арене Ристалища, и не раз приветствовали его победы. Но сейчас они видели его неуклюжую посадку на коне, меч и копье, которые он явно не знал куда девать. В этом мире, как и везде, настоящих воинов-поединщиков готовят с детства. У вполне успешного, даже зажиточного землевладельца Лазаренко такого опыта не было.

Иное дело – два других спорщика. Славинский Великий князь Широко сам привел свое войско. Почти три сотни воинов готовы были умереть за своего князя, и за свою землю. А лучше – победить.

Франское войско было самым малочисленным. Только шестьдесят молодых баронов и их оруженосцев привел Великий герцог Рамир. Больше воинов у герцога просто не было. Зато была земля предков, которая начиналась за ручьем, вдоль которого выстроилось объединенное войско. Глаза юных дворян, еще не познавших славы на полях сражений, показывали –

каждый из них, покрытых сталью доспехов предков, готов был погнать своего коня навстречу Пахлавану.

Но герцог не собирался уступать этой чести никому. И не только потому, что на нем были лучшие доспехи во всей войске. Кольчуга Владимежа сверкала в утренних лучах так, что больно было смотреть. А под герцогом на удивление смирно стоял Орлик. Еще у Рамира был главный довод в пользу своего участия в поединке.

– У меня к этому недоноску, – протянул он меч не в сторону поединщика, а к его хозяину, мурганскому владыке, – личные счеты. Никто из вас раньше не встречался с Гумирханом, разве не так?

– Не так! – раздалось за спинами военачальников, и первым отреагировал на этот возглас Орлик.

Скакун звонко заржал, и поднялся на дыбы, поворачиваясь на одном месте туда, где перед глазами изумленного Рамира, а потом Широ с Лазаренко предстал Свет. В руках голубоглазого героя было сразу два меча, а еще – заметил остроглазый фран – к рукояти одного из них пальцы охотника прижимали букетик ландышей...

Пахлавану пришлось ждать – очень долго, непозволительно долго для таких поединков. Войско мурганского владыки, правый фланг которого составляли почти пять сотен примкнувших к завоевателям предателей собственных народов, довольно загудели. Воины вслед за своим повелителем приняли эту заминку в рядах противника за слабость, за нежелание местных богатырей выйти на смертный поединок.

Но вот по рядам защитников Гудваны тоже пронеслась волна ликования – это франы, а за ними славяны, и последними рагистанцы узнали, кто сейчас готовится выйти на поединок. Последние ликовали громче всех – не только потому, что их больше. Нет – главное потому, что за честь континента сейчас готовился скрестить оружие с врагом их монарх. Громкие крики: «Свет! Свет!», – ветер не донес до лагеря противника, иначе битва могла сложиться совсем по другому. Впрочем, вряд ли Гумирхан повернул назад – пощады завоеватель, уже разоривший полконтинента, мог не ждать.

Наконец поединщик от объединенного войска погнал коня на середину поля, где его уже ждался Пахлаван. Под мурганским богатырем был сейчас конь под стать всаднику. Громадный, неизвестно какой породы – а скорее всего беспородный, в котором природа смешала крови предков так, что они исторгли на свет самые крупные свои стати. Однако сейчас этому гиганту лошадиного мира противостоял скакун, не уступавший ему по мощи. Неизвестно, кто из этих животных победил бы, встретись они одни на один – в поединке за обладание стадом кобылиц. На этого необычного коня – абсолютно черного, лишь с белоснежными гривой и хвостом – обратил в первую очередь внимание Пахлаван, а за ним и мурганский владыка, и все его войско. Лишь потом губы мурганского богатыря прошептали, словно выплюнули имя: «Свет!». Умом, как уже отмечалось, Пахлаван природой был обделен; его мурганцу заменяла чудовищная сила, да еще ярость, заполнившая сейчас сердце и голову. Она и заставила его прищипорить коня так, что скакун жалобно закричал, кидаясь в бой гигантским прыжком.

Свет успел вспомнить турнир франских баронов; свою победу на нем. Та махина, что неслась сейчас на него, вполне могла отобрать титул у любого барона. И охотник, только недавно намеревавшийся пропустить мимо себя этот живой танк (не зря столько времени провел на Земле!), вдруг поменял свое решение. Он решил дать урок мурганцам – урок, который должен был заставить их забыть о захватнических планах надолго, если не навсегда.

– На любую силу найдется другая! – думал он, стремительно сближаясь с Пахлаваном, – а если это будет сила правды...

Два поединщика столкнулись с грохотом, какого еще не слышала ни одна армия этого мира. Мурганца – несмотря на его громадный вес – снесло бы с коня, заржавшего еще более громко от боли в порванных губах, если бы он не оказался наколотым на копьё охотника,

словно поросенок на вертел. Громадный скакун побежал, роняя с губ пену и кровь, вдоль выстроившихся армий, а Орлик даже не замедлил скачки, стремительно надвигаясь прямо на строй мурганских воинов, что отделял Гумирхана со свитой от поля битвы.

Скакун остановился перед самым строем, тонко уловив ту грань, за которой ему в грудь вонзились бы острые копыта. А тело Пахлавана, который еще жил, буравил своими глазами лицо врага, продолжило свой путь. Сначала по толстому древку копья, оставляя на нем кровь и плоть, а потом по воздуху, через головы не дрогнувших воинов – прямо под ноги Гумирхана. Вот этот дрогнул, даже дернулся в сторону, что бы не видеть своего любимца, уже практически мертвого, не слышать его предсмертных хрипов. Только кто бы ему дал?

Свет тоже воспользовался силой инерции. Если полет Пахлавана проводили сотни изумленных взглядов, приземление охотника на ноги за строем мурганских воинов отметили, только когда он поднял над головой сверкнувшие на солнце мечи.

– Свет! – помертвевшим голосом выдохнул Гумирхан.

Охотник укоризненно покачал головой, словно говоря:

– А я ведь предупреждал, что бы ты не смел ходить за мной!

В следующее мгновение голова Гумирхана покатилась под ноги воинам, которым имя человека в сверкающих доспехах, внезапно возникшего среди них, ни о чем не говорило. И пусть это был умелый обоюдоострый боец – их то было тысячи! И воины бросились на этого отважного, но такого безрассудного бойца, который вдруг оделся непробиваемой защитой из стали. Но это могли видеть только передние ряды; в спину им толкались следующие, так что от смертельно опасной стали невозможно было увернуться. Войско словно забыло, что совсем недалеко выстроилось другое, и там тоже ждут своего часа тысячи воинов.

Объединенная рать бросилась вперед без лишних криков, без звука труб и мерного рокота барабанов. Первыми врага достигли всадники. Их было немного – всего три сотни, но эта лава прошла вдоль рядов неприятеля, повернувшегося к ним спиной, словно коса по утренней траве. Лава развернулась, и ударила уже вглубь – как раз в ряды дрогнувших предателей. Этот фланг мурганского войска полег полностью. Остальные побежали, теряя сначала храбрость, а потом оружие. Только в самом центре битвы – там, где собрались самые отборные, а значит самые умелые воины, по-прежнему двигался по направлению в подбегавшим уже пешим соратникам стальной вихрь.

Свет конечно ничем не рисковал – разве что одеждой. Да и та была сейчас скрыта под непробиваемой кольчугой предка. Было ли ему жалко чужеземных захватчиков, которых он сейчас награждал экономными – по одному на каждого – но от этого не менее смертельными ударами двух мечей? Нет – нисколько! Потому что в их взглядах, в которых сейчас иступленную жажду крови сменяла растерянность, а потом животный страх, он видел сторовившие деревни и города, вереницы белокожих рабов, отправленных вместе с сокровищами на Черный континент, и трупы, трупы...

Он наконец остановился, потому что очередные удары его мечей не встретились с вражескими. Устрашенные противники бросали оружие и опускались на колени, подставляя повинные головы на милость победителя. Такой крови мечи пить не захотели. Вернее, их не захотели посылать на склоненные шеи руки охотника. Последний взмах – и клинки опять сверкнули на солнце, избавляясь от капель крови. Идеально чистые мечи (Свет вдруг вспомнил Кондурову – «чище, чем скальпель в руке хирурга») скользнули на место, в заплечные ножны. А вокруг уже выстраивались победители. Впрочем, воинам сейчас было не до победных кличей. Они ограничились одним, спугнув с веток близких зарослей воронье, и разбрелись собирать раненых и убитых товарищей; другие сгоняли в не такую уж большую толпу пленников.

Клич этот, кстати, спугнул не только хищных птиц. Совсем рядом наблюдал за битвой еще один отряд. Это была команда Авархана. В ней почти не было погибших; не оказалось

и примкнувших в поисках ратной добычи разбойников. Зато были пленные. Их было не так много, зато какие!

Авархан совсем не спешил к грядущим сражениям. Он не преминул проверить по дороге еще одну сказку Би Рослана. Капитан не стал сворачивать к деревушке, где с ним поделились лодкой и пропитанием. А вот ущелье, что вело в чудесную долину провидицы, отыскал. И нагрянул туда со всем своим отрядом.

В горах было ощутимо холодно, а здесь – в долине, где глаз радовал и аккуратный домик, и поля, засеянные неизвестными капитану злаками, и маленький садик... Здесь было тепло. А из садика навстречу Авархану вышла его мать – в том обличье, в котором он запомнил ее еще мальчишкой. Он конечно сразу же понял, что перед ним колдунья, знавшая секрет перевоплощения.

– Ну так ведь она должна была откуда-то взять этот образ, – внезапно догадался он, – только из моей головы. А копнет поглубже...

Капитан не раздумывая выхватил из ножен кривую саблю и наотмашь рубанул – прямо по лицу собственной матери.

– Нет! – на грудь уже не дышащей старухи, лицо которой приобрело свой естественный вид, бросилась ослепительная красавица с длинными черными косами. Еще один житель долины – крепкий седобородый мужчина – бился в руках воинов.

Девушка – а лет ей на вид было не больше восемнадцати – наконец встала, обвела взглядом собравшихся и остановила его на Авархане, который стоял с окровавленной саблей в руках.

– Ты – протянулся в его сторону тонкий пальчик с аккуратно обстриженным ногтем, – ты убил провидицу. Знай же, что тетушка Зохра могла смотреть в будущее. И она предрекла ужасную смерть своему убийце. Тебе!

Палец теперь едва не касался груди капитана, и тот невольно отступил. А потом криво усмехнулся.

– Моя смерть, может быть, и будет ужасной. Зато твоя настигнет тебя прямо сейчас.

Он опять поднял клинок, но парсиянка – а это была Замира – гордо подставила ему под удар высокую уже грудь.

– Бей! И тогда ты сам будешь просить смерти у того, кто порежет тебя на кусочки, а потом предаст мукам каждый из них. У моего жениха.

Последнее она выплюнула почти в лицо Авархана с такой гордостью, что тот, отступая от ее порыва, невольно спросил;

– А кто твой жених?

– Свет! – с еще большей гордостью выпалила Замира, – и ты ответишь перед ним и за меня, и за тетушку Зохру, и за...

Она метнула взгляд на своего дядю, на Нажудина, которого едва удерживали четверо, и замолчала. А Авархан действительно испугался. Да и как было не бояться того, перед которым трепетал сам Гумирхан. Потом ему в голову пришла другая мысль – перед ним стояла не просто красивая девушка! Это была заложница. Та самая заложница, за которую он сможет выторговать себе жизнь – если понадобится.

– И потому, – скомандовал самому себе капитан, – руки прочь от нее. Пылинки сдувать с нее буду. До тех пор, пока не станет ясно – она больше не нужна. А тогда...

Перед глазами замелькали картинки, одна радужнее другой. И вид обнаженной красавицы, покорно склонившейся перед ним и готовой на все был среди них не самой яркой.

– Хорошо, – опустил он саблю, – вы останетесь живы – и ты, и твой...

– Дядя, – подсказала быстро парсиянка.

– Дядя, – повторил мурганец, – вы будете заложниками друг для друга.

– Это как? – не понял его помощник, звероподобный моряк, который разве что не обличивался на юную парсиянку.

– Очень просто, – повернулся к нему Авархан, – если один из них попытается бежать, второй лишится головы. Согласны?

Это он спросил поочередно у Замиры, а потом у старого парса. И оба, помедлив, кивнули. Причем чуть раньше Нажудин. Потому что внутри него вдруг зародилась сумасшедшая мысль: «А может, и теперь Свет придет на помощь... как всегда, в последний момент».

Он перевел взгляд на старушку, черты лица которой уже заострились и показал на нее рукой, которую освободили по знаку капитана воины:

– Дозволь похоронить ее, по нашему обычаю.

– Не знаю ваших обычаев, – засмеялся Авархан, – зато знаю, какой предпочитала она сама. Бери ее.

Он кивнул парсу на тело, и тот послушно склонился над телом провидицы. А капитан вспоминал сейчас очередной рассказ рагистанского правителя – о том, как лихо эта старушка избавлялась от трупов. По его команде Нажудин отнес Зохру к той яме, которую когда-то сам выдолбил в мягком камне. Яма была полна светлой горючей жидкости. Не без внутреннего сопротивления он опустил тело вниз, полностью погрузив его в масло, которое светило им долгими вечерами.

– Придется долбить новую, – вздохнул он, а потом грустно улыбнулся, – для кого? Не для нее же.

Он посмотрел на племянницу, которая словно поняла его и утвердительно кивнула. А может, она просто давала знак: «Начинай!»? И Нажудин чиркнул огнем. Огонь занялся сразу, встал стеной над всей ямой прямоугольной формы. Авархан невольно отступил на несколько шагов. Ему вдруг почудилось, что в яростном гуле пламени всхрапнул и коротко заржал конь. А потом его перебил далекий собачий лай, перешедший в яростный, полный животной муки вой...

Орлик в это мгновение мчался по лугу, отбивая от табуна молодую кобылицу. Это была игра, без которой не обходилось ни одно такое событие. Кобыла всхрапнула, уже готовая принять царственного жеребца, когда тот внезапно остановился с обиженным ржанием. На шее скакуна – там, где когда-то руки тетюшки Зохры отстригли клочок его волос, он вдруг почувствовал сильное жжение – словно кто-то прижал к нему раскаленное клеймо. Орлика никогда не клеймили – его и так невозможно было спутать с другими. Теперь же он тоже почувствовал, каково это – терпеть на шее огненный жар, не имея возможности ни подуть на нее, не опустить в прохладную воду. Потому что этот жар не был материальным, он шел от сердца, от осознания страшной беды...

Пес был чудовищно стар. Большую часть времени он просто лежал, чаще всего на заднем крыльце дворца. Пробегавшие мимо слуги уже привыкли к тому, что он лежит тут постоянно, и обегали его, практически не замечая. Вставал он лишь, когда погулять в огромном ухоженном парке выходил молодой король или королева-мать. Тогда он с неожиданной для его преклонных лет легкостью поднимался и сопровождал, а точнее – охранял, как велел ему пропавший хозяин – царственных особ. А потом опять надолго замирал на каменной площадке. Лишь королева-мать знала, почему пес выбрал именно это место. Отсюда были хорошо видны звезды, от которых он не отрывал взгляда долгими ночами. Вот и теперь пес поднял голову, остановив взгляд там, где в невообразимой дали была звезда, которой даже не было видно. Он вдруг глухо заворчал, когда его загривок обожгло нестерпимым огнем, а потом даже залаял, чего не делал уже очень давно. Однако в предраассветной тьме никто на это внимания не обратил.

До Света прощальный вздох тетюшки Зохры не достиг. В это самое время он брел по серой мути, что заполняла иной мир – мир, откуда не было возврата. Он выбрался оттуда;

его довели руки отца и матери. Но о том, что еще одна женщина, которая любила охотника словно родного сына, уже не ждет его, Свет узнает не скоро...

До границ франских земель отряд Авархана добирался два десятка дней и ночей. И он, и его пленники свято блюли договор. А у самого капитана – чем ближе было до перекрестка трех государств – голова все сильнее болела о другом. Именно там назначил ему встречу мурганский владыка. И именно туда – как донес далеко выдвинутый вперед дозор – стягивали свои войска рагистанцы, славинский князь и франский герцог. Авархан мог бы довести отряд до этого места даже раньше, чем там окажется основное франское войско. Но он не спешил. И в немалой степени это было связано с той убежденностью, которая сквозила в словах Замиры. Юная парсийка была уверена в том, что предстоящая битва не обойдется без Света.

Потому он и расположил воинов на высоком пригорке, заняв его тем же утром, когда две рати выстроились для кровавой битвы. Помощник – тот самый, что все последние дни не сводил жадного взгляда с парсийки – что-то шептал ему на ухо. Но капитан не слушал его – он неотрывно следил за фигуркой в блестящих доспехах, которая выехала навстречу непобедимому мурганскому богатырю на приметном двухцветном жеребце. В исходе этого поединка он почему-то не сомневался. Он велел оставить пленников, сегодня надежно связанных, у подножия горы. Иначе и Замира, и старый Нажудин сейчас уже кричали бы, приветствуя своего возможного спасителя. Авархан наконец прислушался к голосу помощника.

– Сейчас! Вот сейчас надо ударить во фланг, вон туда – помощник протянул руку в ближний край объединенного войска, где враги действительно позабыли о всем, кроме поединка.

А поединок уже близился к завершению – именно к такому, как и предполагал капитан. Огромная туша Пахлавана нелепо дергала руками и ногами, нанизанная на копье, подобно навозному жуку на соломину. И капитан кивнул:

– Хорошо! Бери вторую полусотню, и вперед!

– А ты?! – едва не нарушил субординацию помощник, и тут же осекся, наткнувшись на надменный взгляд капитана.

Всадники лихо обогнули вершину пригорка и бесшумно помчались вниз, на редкую линию франских воинов, ликующе вскинувших копья вверх. Но вот громкие крики перебил еще более громкий возглас. Это герцог Рамир разворачивал своих баронов навстречу новому врагу. Будь на месте закованных в железо франских всадников славинский или рагистанский отряд, может быть что-то у этой полусотни мурганцев и получилось бы. Но сейчас легковооруженные всадники, пусть и набравшие приличную скорость, напоролись на длинные рыцарские копья. Большая часть мурганцев упала с лошадей, так и не добравшись до врага на расстояние удара кривых сабель. Остальные отчаянно сопротивлялись; своими клинками они владели не хуже, чем молодые франские бароны. Но вслед за Рамиром и его бойцами на тающий на глазах отряд навалились рагистанские стражники. Лишь двое мурганцев – тот самый помощник, виртуозно владевший саблей, и еще один опытный вояка, сумели вырваться из этой сутолоки, обернувшейся бойней для мурганцев. Именно за ними и помчалась конная лава, которая словно острой бритвой срезала крайний ряд вражеского войска. А потом повернула обратно, чтобы начать планомерное уничтожение захватчиков.

Однако этого Авархан уже не видел. Он кивнул головой, приказывая двум воинам, что следили вместе с ним за началом битвы, следовать за ним, и поспешно погнал коня вниз – туда, где его ждала вторая полусотня и пленники. Потом он тем же кружным путем, каким привел отряд к месту великой битвы, гнал свой поредевший ровно наполовину отряд к тайному ущелью.

– Один раз получилось, – успокаивал он себя, – получится еще раз. Тем более, что я теперь не один. Оставлю десяток в ущелье – пусть держат его от преследователей, пока...

Он остановил поток мыслей в голове, страхась закончить фразу: «Пока не появится Свет». Мурганский капитан погонял бы сейчас коня еще сильнее, если бы немного задержался на холме и увидел, как его помощника – раненого, но живого – вяжут ремнями рагистанские стражники.

Глава 5. Старый долг

Свет остановил стремительный бег клинков. Он огляделся; у него было время – пока не сбегутся друзья, чтобы прижать его к груди – понять, что же чувствует он сам, став по сути палачом мурганского войска. Кровавая нива, что окружала его сейчас, ничуть не ужаснула его.

– Это мой мир, – криво усмехнулся он, – он такой, какой есть. И это еще не самая великая битва, которую видел подлунный мир. Может потом, когда сюда снова прилетят космические корабли, а вместе с ними все «прелести» цивилизации, убийство даже одного человека будет трагедией.

Он усмехнулся еще раз, вспомнив тот самый, цивилизованный мир, из которого он пришел, чтобы тут же окунуться в кровавую схватку. Мир, в котором число жертв совсем недавно шло не на сотни и тысячи, как здесь, а на миллионы. А потом понял, что единственное, чего он сейчас хочет – окунуться в холодные воды речушки, которая служила границей франских земель. И он успел – до того момента, когда его все-таки окружили товарищи – практически упасть в медленно текущую воду. Упасть прямо так, в кольчуге и шлеме, которые не боялись ржавчины. Упасть и чувствовать, как эти ленивые струйки смывают с него вместе с кровью и грязью всю ненависть и злость, что пропитывала его с каждым взмахом мечей.

Свет услышал тревожные голоса рядом. Он понял, что лежит тут очень долго, непозволительно долго для обычного человека – так долго пробыть под водой не смог бы никто. Он с шумом поднялся, для спокойствия друзей еще более громко отдышавшись, хотя никакой необходимости в этом не было – хоть сейчас падай в воду и лежи, наслаждайся спокойствием холодной осенней воды; пока не замерзнешь.

Первым заключил его в объятия Великий славинский князь. На правах родственника, наверное. Потом уже Свет и не пытался отличить, кто пытался притронуться хоть одной рукой к герою – знакомые, незнакомые. Наверное о непобедимом охотнике слышали все; многие рагистанцы видели его на ристалище. А теперь герой, свершивший очередной подвиг, был рядом. Чей-то голос, смутно знакомый Свету вдруг пробился сквозь общий гул ликования:

– Жаль, что здесь нет почтенного Би Рослана!

– Да, – с жаром поддержал Рамир, – хроника сегодняшней битвы стала бы жемчужиной его «Истории подлунного мира».

– Ого, – оторвался от чих-то рук охотник, – уже есть и такая?

– Есть, – отчего-то засмеялся герцог франов, – только тебе ее читать будет неинтересно.

– Почему, – Свет тоже улыбнулся, а потом чуть нахмурился, сделав вид, что обиделся, – неужели ты думаешь, что я умею только мечами махать?

– Нет, – Рамир прекрасно понял, что Свет нахмурил брови совсем не всерьез, – просто эта летопись о тебе, о твоей жизни. Твой наместник в Шахрихане читает нам по новой главе каждый раз, когда мы собираемся у него в гостях.

– Ну что ж, – опять улыбнулся Свет, – придется заехать к нему в гости, почитать, что там напридумывал мой друг...

– Заедешь, – похлопал по крепкому плечу теперь уже Широ, – и в Шахрихан заедешь, и к нам, в Зеленград – тебе всюду будут рады, брат. Тебе ведь некуда больше спешить?

Он тут же пожалел о своем вопросе, потому что улыбку с лица охотника словно смыло холодной водой.

– Нет, брат, – он тоже обнял за плечи Широ, – есть еще дела, которые ждут меня...

Про себя он добавил: «...и не только в этом мире».

Между тем забот хватало и здесь. Как и после любой битвы, предстояла не менее тяжелая кровавая работа. До позднего вечера победители, а больше них – немногие побежденные под надежной охраной – сносили к месту погребения тела. В небе противно и жалостливо

кричали черные птицы. Они словно чувствовали, что никакой добычи им здесь не оставят. Может, у кого из победителей и была мысль оставить тела на поругание диким зверям и птицам, но этому дружно воспротивились сразу три командира – те, кто привел на битву воинов. Никто не знал точно, где находится та межа, что разделяла три государства; так что каждый из них мог сейчас заявить, что не потерпит такого безобразия на своей земле. И уже в начавшейся ночи на перекрестье дорог вырос огромный курган. Он, по замыслу Ширко, должен был вечно (если что-то может быть вечным) напоминать об общей победе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.